

“Москва, Москва! Как много в этом слове для сердца русского слилось...”

МОСКВА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ
ИЗДАЕТСЯ РУССКИМ ЦЕНТРОМ В ЧИКАГО, ИЛЛ.

“MOSCOW”

Published monthly by Russian Center of Chicago, Illinois.

тор: Л. Г. Перцов

L. G. Pertzoff, M. D., Editor

2001 West Division street, Chicago, Illinois, U. S. A.

Telephones: Brunswick 3399 — Armitage 5801.

РВЫЙ.

July — 1929 — Июль.

№5

В. УНКОВСКИЙ.

Перепечатка не разрешается.

ВОСПОМИНАНИЯ

Портрет Толстого.

Милая пора детства.

Небольшая классная комната на 30 душ.

Идет урок русского языка. Нас 30 мальчиков сидит на партах, устремивши глаза на учительницу, стоящую на кафедре.

Сквозь полузавешенные гардинами окна врываются в комнату солнечные лучи и оттого по нашим лицам — близко сидящих к окну — бегают теплые солнечные пятнышки. Учительница держит в руках портрет Л. Н. Толстого.

— Это граф Толстой, — говорит она... Граф Лев Николаевич Толстой. Великий русский писатель. В вашей хрестоматии есть много отрывков из его произведений, и я вам часто диктую из него.

Знаем, знаем, — кричали мы.

— Запомните его лицо, — продолжает учительница. Нужно, чтобы оно врезалось вам на всю жизнь. Глядите, какое у него доброе лицо, какие ласковые глаза. Он улыбается вам. Он детей очень любит.

— Я его знаю, — заявляет один из нас. У папы в кабинете висит его портрет: большой, большой.

— И я знаю.

— И я... И я... — хором подхватываем тут все. Оказывается, что всем нам уже давно знакомо его лицо, но все-таки все мы очень внимательно глядим на портрет, на милое добродушное лицо Льва Николаевича: такое простое, такое открытое и безхитростное.

— Живет он в Ясной Поляне, в своем поместье, говорит учительница. Он граф, аристократ, происходит из знаменитого древнего рода, — а посмотрите, как просто одевается: простая русская рубаха, подпоясанная кушаком, шаровары и сапоги. Вы уже слышали про некоторых русских поэтов и писателей: Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Крылова, Тургенева, но они уже умерли, а Толстой великий писатель земли русской живет и сейчас тоже пишет. Видите дети, — при вас значит, он живет...

Мы глядим, не отрывая глаз, на портрет Льва Николаевича и слушаем учительницу, а, когда она гончает и прячет портрет — становится немного грустно, что она спрятала его так быстро.

А я сижу и стараюсь припомнить тот день, когда впервые увидел портрет Льва Николаевича. Но сколько не напрягаю своих мыслей — ничего не выходит. Кажется, что всегда знал это безхитростное добродушное лицо, что будто бы знал его уже с самого своего рождения.

Я двенадцатилетний мальчуган в серой гимназической блузе и фуражке с большим гербом, — стою у витрины книжного магазина, зажав в руке гривенник, полученный от отца, и выбираю, что мне можно купить на мой гривенник. Но книги все дорогая, об'емистая и я уже собираюсь, разочарованный и опечаленный отойти от окна, как вдруг мне бросается, в загоревшиеся сразу глаза:

— Л. Н. Толстой: "Хозяин и работник". Цена 5 копеек.

— Сочинение Толстого и так дешево, — радостно думаю я и подбежав к двери, быстро ее отворяю и вхожу в магазин.

— Вам что, господин гимназист? — встречает меня приказчик. Учебники желаете купить?

— Нет! — гордо отвечаю. Сочинение графа Толстого — "Хозяин и работник".

— Хорошо-с.

И приказчик лезет по лестнице на верхнюю полку. Я, стоя в ожидании, гляжу кругом. Вот несколько портретов и среди них портрет Л. Н. Толстого — он больше других и как мне представляется на роскошной бумаге.

Я смотрю на портрет и думаю, что наверно он стоит очень дорого.

— Господин гимназист! — окликает меня приказчик. Извольте вашу книгу. Пять копеек с вас.

— А портрет этот почему? — спрашиваю я просто так себе.

— Толстого?.. Пять копеек.

— Пять копеек! — восклицаю радостно и удивленно, и, точно боясь, чтобы приказчик не взял назад своего слова, поспешно добавляю:

— Позвольте мне портрет.

А через минуту я выхожу из магазина, бережно неся в руках маленький сверток с книжкой и портретом Л. Н. Толстого: сияющий, счастливый.

Придя домой сейчас же прищипливаю приобретенный мной портрет над моим письменным сто-

лом на стене, а потом принимаюсь разрезать перочинным ножом книжку, любовно разглаживая страницы и то и дело поглядывая на ласковое, добродушное лицо Льва Николаевича, глядящее на меня с портрета.

На даче А. П. Чехова.

Незадолго перед войной, будучи в Крыму, я посетил дачу А. П. Чехова. Дача находится в полуверсте от Ялты, по Ауткинскому шоссе. Расположена она очень удачно на возвышенной местности — оттуда прекрасный вид на море и горы.

Когда я по дороге обратился с вопросом к первому встречному: как пройти на дачу Чехова — он отвечал:

— Антона Павловича?.. Пойдемте вместе. Я служу на его даче за садовника, дворника и, вообще, присматриваю. Вот только что проводил сестру Антона Павловича, Марью Павловну, на паром, а теперь на дачу как раз иду.

Далее он сообщил мне, что Марья Павловна с матерью живут в Мисхоре — близ Алупки, где у них своя дача. И Марья Павловна часто бывает в гостях у Антона Павловича: приедет на дачу, переночует и уезжает обратно.

Дача была обнесена невысокой железной решеткой. Через калитку мой провожатый ввел меня в сад — небольшой, чистенький, опрятный и уютный. Деревья были еще невысокие — все они собственноручно посажены руками Антона Павловича, много цветов. И все было так мило, так хорошо.

Много свету, а оглянешься кругом — вдали сквозь ветки деревьев синее море, в другую сторону горы, а вверху южное голубое небо и южное благостное солнце.

Мой провожатый сорвал с деревца несколько зрелых персиков и мне подал.

— Покушайте! Это деревцо сажал Антон Павлович своими руками.

Дом светленький, беленький, с большой верандой, выходящей в сад. Через веранду мы вошли в корридор, а оттуда в кабинет Антона Павловича.

Кабинет — большая, просторная светлая комната с камином, в который вделан эскиз художника Левитана. Стены увешаны портретами, среди которых некоторые с автографами, например, композитора П. И. Чайковского и пейзажами Левитана в рамках и без рам — прямо припущенные кнопками.

Почти по середине кабинета большой письмен-

ный стол, с массивной чернильницей, бумагами, карандашом, — оставленным Антоном Павловичем. Перед письменным столом большое мягкое кресло. Рядом на маленьком столике “Весь Петербург”, “Вся Россия” и “Русский календарь” за 1904 год. Тут же на стуле различная корреспонденция.

Все сохранялось в точности, как было и при жизни Антона Павловича — только на кресла надели чехла, стол поверх сукна покрыли белой скатертью и с него сняли некоторые безделушки.

На столе на подносе даже лежало несколько медных монет, оставленных Антоном Павловичем перед отъездом с дачи за границу, откуда он уже не вернулся обратно.

Из кабинета дверь ведет в спальню. Спальня тоже светлая и тоже просторная длинная комната. Направо от двери у стены большая кровать, возле нее стол с графином воды, свечкой и коробкой спичек, оставленной тоже перед самым отъездом. На стене у кровати отрывной календарь с листиком: 27 мая 1904 г. — последний день пребывания Антона Павловича на своей даче.

И как грустно становилось на душе, глядя на все это. Сколько бы он мог еще жить, сколько произведений мог бы еще подарить нам, но безжалостная смерть так рано сразила.

Когда мы вышли опять в сад, провожатый говорил:

— Хороший был человек. Я его не знал — поступил сюда через полгода после его смерти. А люди сказывали. Поденно, к примеру, другие прочие хозяева там положим восемьдесят копеек платили а Антон Павлович рубль двадцать. Надо, говорит, чтоб человеку на харчи и все прочее хватило и чтоб копеек сорок еще ему осталось. Да, был хороший человек, на редкость можно сказать.

В. Унковский.

Париж.

Во избежание перерыва в получении журнала контора “МОСКВЫ” просит подписчиков, срок подписки коих истекает 1 августа 1929 г. возобновить ее заблаговременно.

Всю корреспонденцию следует адресовать:
“MOSCOW” RUSSIAN MAGAZINE,
2001 W. Division St., Chicago, Ill.

ЧИТАЙТЕ И РАСПРОСТРАНЯЙТЕ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
«МОСКВУ»